

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

КАФЕДРА ГРАММАТИКИ И ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Тожибоева Барно Шухратовна

**ОТНОШЕНИЕ К НОРМАТИВНОСТИ
АНГЛИЙСКИХ ЛЕКСИКОГРАФОВ XV-XXвв**

на соискание степени бакалавра филологии по направлению 5120100 –
филология и изучения языков (английский язык)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

“РЕКОМЕНДОВАНА К ЗАЩИТЕ”

Исматова М.Ш., и.о. заведующий
кафедрой “Грамматики и истории
английского языка”

“НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ”

к.ф.н., Усманов Ф.М.

_____ “ ” _____ 2016 г

САМАРКАНД – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОСТИ В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ XV-XX вв.....	7
1.1. Глоссарии.....	7
1.2. Словари «трудных» слов.....	11
1.3. Зарождение словарей в 18 веке.....	25
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.....	32
ГЛАВА II. ЗНАЧЕНИЕ СЛОВАРЯ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ.....	34
2.1. Словарь Чарлза Ричардсона.....	34
2.2. Взгляды Ричарда Тренча.....	38
2.3. Мнения современников к словарю и его значение для дальнейшего развития лексикографии.....	44
2.4. Выражение взглядов составителей на нормативность с практической точки зрения.....	49
2.5. Идеи составителей относительно нормативности до начала работы над словарем.....	54
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II.....	59
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	61
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	63

ВВЕДЕНИЕ

Нормативность (т.е. целый ряд вопросов, связанных с отношением языковых фактов к определенной системе норм) является одной из центральных проблем любой национальной лексикографии. От ее решения, определяемого в первую очередь принятием лексикографом той или иной концепции языка и нормы, зависит как объем регистрируемого в словаре материала, так и характер его обработки, что, собственно говоря, и составляет в совокупности научную ценность любого лексического справочника.

Принятая в Узбекистане собственная модель реформирования и модернизации, ставя перед собой целью достижение национальных интересов в долгосрочной перспективе, изначально подразумевала отказ от настойчиво навязываемых нам методов шоковой терапии, наивных и обманчивых представлений о саморегулировании рыночной экономики [2, 6-7]. Это говорит о том, наша страна является надежным партнером и привлекает большое количество иностранных сотрудников и инвесторов. Именно поэтому, знание иностранных языков стало особо важным направлением в образовании страны.

В связи с этим И.А.Каримов писал: “Нам надо быстрее подготовить методику по ускоренному изучению иностранных языков, основанную на национальных особенностях общества Узбекистана и приверженности к человеческим ценностям” [1,1]. Исходя из этих соображений, **актуальность нашей работы** обуславливается всё возрастающим интересом лингвистов нового подхода к решению насущных проблем истории английской лексикографии: в настоящей работе делается попытка на материале наиболее значительных словарей XV-XX вв. показать, каково было отношение английских лексикографов к проблеме нормативности. Тем самым будет выяснено, существовала ли в английской лексикографии до Джонсона какая-

либо традиция в отражении словарями этой проблемы.

Цель работы: в лексикографическом плане проблема нормативности чрезвычайно сложна и многоаспектна. Она неизбежно предполагает принятия решения по целому ряду вопросов, важнейшими из которых являются: 1) объективность существования нормы; 2) адекватное отражение в словаре языковой действительности; 3) языковые изменения.

Задачами настоящего исследования:

- 1) разработать хронологический указатель английских исторических словарей (XV-XX вв.);
- 2) провести лексикографический анализ английских словарей различных типов для определения традиционных способов регистрации;
- 3) ознакомиться с историей развития лексикографии английского языка.

Степень изученности проблемы. Отношение лексикографов к нормативности также (за редким исключением) полностью определяется социально-историческими условиями жизни языкового коллектива и соответственно взглядами на язык и норму широкой научной и писательской общественности данной страны. Изучены неологизмы в словарном составе английского языка 16 века (Линский С.С., 1979); Оксфордский словарь английского языка (Малаховский Л.В., 1954); Джонсон как лексикограф (Салохитдинов Г.С., 1975); развитие национального литературного английского языка (Ярцева В.Н., 1969).

Объектом исследования данной работы является проблема нормативности в истории английской лексикографии XV-XX вв.

Предметом исследования – особенности нормативности в истории английской лексикографии XV-XX вв.

Методы исследования. В исследовании используются описательный и

сравнительно-сопоставительный методы; при сборе материала использовался метод частичной выборки. В работе осуществляются следующие виды исследовательской работы: анализ литературы по общим и частным вопросам лексикографии; сравнительно-сопоставительный анализ словарных изданий английских лексикографов XV-XX веков.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в изучение истории лексикографии английского языка 15-20 вв. Выводы и наблюдения, содержащиеся в исследовании, могут быть использованы при изучении истории английской лексикографии в сопоставлении с другими германскими языками.

Практическая значимость работы состоит в том, что выводы и наблюдения, содержащиеся в исследовании, могут быть использованы при изучении истории лексикографии. Материалы данной работы могут быть использованы в практическом курсе английского языка в лицее, колледже и в школе.

Научная новизна:

— на основе логически непротиворечивого сочетания лингвистических критериев намечена достаточно четкая и объективная периодизация истории зарождения, становления и развития истории лексикографии как нового научного направления в английском языке в теоретическом и прикладном аспектах;

— на основе предложенной периодизации истории лексикографии английского языка охвачены и учтены все наиболее значимые для выделения этого научного направления мысли, взгляды, идеи, подходы и концепции, зарегистрированные в историографии лингвистики в виде персонифицированной теории общей и специальной лексикографии.

Структура и объём работы: общий объём работы – 65 страниц. Работа состоит из введения, двух глав, выводов по каждой главе, заключения,

списка использованной научной литературы (всего **54** наименований, включая **9** источников из интернета), **17** словарей, принадлежащих перу английских и американских учёных-лингвистов. Работа изложена на **60** страницах компьютерного текста.

Во введении обоснованы выбор темы, её актуальность, определяются цели, задачи, теоретическая и практическая значимость работы, характеризуются источники и методы, указываются структура и объём работы.

Содержание работы: в первой главе освещаются такие вопросы как, проблема нормативности в истории английской лексикографии XV-XXвв. **Вторая глава** посвящена истории развития английской лексикографии.

В заключении подводятся основные итоги исследования, делаются выводы.

ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОСТИ В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ XV-XX вв

В настоящей главе мы попытаемся на материале наиболее значительных словарей XV-XVIII вв. показать, каково было отношение

английских лексикографов к проблеме нормативности. Тем самым будет выяснено, существовала ли в английской лексикографии до Джонсона какая-либо традиция в отражении словарями этой проблемы.

1.1. *ГЛОССАРИИ*

Английская лексикография как практика составления словарей прошла долгий и почетный путь [8, 18]. Её истоки восходят примерно к концу VII в. Во всяком случае, наиболее древние дошедшие до нас лексикографические материалы исследователи относят ко второй половине VII – началу VIII в. Это так называемые глоссы и глоссарии [9, 15].

Первые словари глоссарии имели целью дать объяснения на английском языке непонятым или трудным латинским словам, встречавшимся в латинских рукописях или библейских книгах. В этих элементарных рукописных двуязычных (латинско-английских и англо-латинских) глоссариях VII-XIV вв. нет и намека на какую-либо оценку лексики с нормативной точки зрения. В них просто даются англо-саксонские эквиваленты трудным или непонятым латинским словам [7, 22].

Постепенно с одной стороны, в связи с некоторым ослаблением знания латыни среди образованных людей того времени [5, 233], а с другой – в связи настоятельной необходимостью читать научные, церковные и другие книги, написанные на латыни, и, следовательно, в связи с неотложной задачей обучения латинскому языку перед составителями глоссариев вставала все более ответственная задача, а именно – дать английские переводы-эквиваленты как можно большему числу латинских слов, по сути дела, составить латинско-английский или англо-латинский словарь для англичан. Наиболее известным из таких словарей является «Сокровищина для образованной молодежи», составление которого относится к 1440 г. [51, 278].

Этот латино-английский глоссарий насчитывает около 12 тыс. словарных статей, разделенных на две большие группы: «Имена» и «Глаголы». Построение каждой статьи довольно простое: английское слово и его перевод на латинский язык. Например:

Abowte. Circum, circa.

Age. Etas, senium, senectus, senecta.

Above. Supra, Superius.

В словаре отсутствуют попытки какой-либо нормативной оценки и приводимым английским, и латинским словам, но автор иногда приводит в словарной статье лексикографические или литературные источники, как бы подтверждена наличие данного слова в языке. К сожалению, делается это только по отношению к латинским, но не к английским словам.

К этому же типу словарей относится и второй известный англо-латинский глоссарий, составленный в 1483 г. и названный «Всеобщим английским» [52, 367]. Словарь насчитывает около 8 тыс. словарных статей, приведенных по алфавиту. В нем также дается английское слово в качестве заглавного, а к нему латинский эквивалент-перевод. Правда, число латинских эквивалентов здесь значительно больше, нежели в словаре 1400 г. Например:

To accuse: Arguere, argutare, calumpniari, deffere, excipere, Accusare pares vel minores, incusare pociores.

And: et, que, Atque, ac, at, ast, necnon.

Как и в предыдущем словаре, в этом словаре нет и намека на какую бы то ни было нормативную оценку английских слов.

Словник словаря довольно ограничен и представляет собой не что иное, как выборку и ни в коем случае не попытку зарегистрировать все слова (последняя тенденция будет явственно выражена лишь в двуязычных словарях XV – XVI вв.).

Подобные двуязычные словари (латинско-английские и англо-латинские) появляются в Англии через довольно короткие промежутки времени на протяжении XV-XVI вв. и даже XVII в. Очевидно, спрос на них был велик, ибо печатались они в большом количестве и разными авторами. Так, на рубеже XV-XVI вв. издается анонимный латинско-английский словарь под заглавием «Сад слов»[34, 345]. Этот словарь насчитывал около 27 тыс. слов, что было весьма значительной цифрой для того времени. Последним на этой серии был словарь Роберта Эйнсворта, изданный в первой трети XVIII в.[31, 345].

Апогея своего развития двуязычные словари достигли в XVI в. Именно в это столетие в Англии появились такие широко используемые в то время и неоднократно переиздававшиеся издания, как латинско-английский словарь Томаса Элиота [32, 245], англо-латинский словарь Ричарда Хулоета [36, 267], латинско-английский «Тезаурус» Томаса Купера [35, 276], англо-латинский-французский словарь Джона Барета [39, 312], латинско-английский словарь Томаса [39, 239], англо-латинский словарь Джона Райдера [37, 288] и др.

Все словари подобного типа ставили целью научить читателя латинскому (но не английскому) языку. Именно вследствие этого в них мало внимания уделялось родному языку. Латинские слова иногда подтверждались в указанных словарях цитатами-иллюстрациями на произведений классических авторов. Без сомнения, в этом просматривается более объективный и научный подход к языку, нежели просто приведение слов без подтверждения их существования в языке, в текстах. Особенно полно и последовательно принцип подтверждения слов цитатами с точным указанием источника проведен в словаре Р.Эйнсворта. В нем автор приводит многочисленные примеры из классиков латинского языка, как бы документируя значение или нормативный статус данного латинского слова.

Что касается словников указанных двуязычных словарей, то здесь можно отметить следующее. Как уже указывалось, словники словарей XV в. представляли собой результат отбора и ограничения. Их авторы не претендовали на исчерпывающее описание лексики. Чаще всего эти словари отражали каждодневную бытовую лексику, а также (в какой-то степени) религиозную терминологию.

В XVI в., наоборот, появляется тенденция охватить как можно большее число слов. Начиная с латинско-английского словаря «Сад слов», насчитывающего 27 тыс. слов, эта цифра неуклонно возрастала. В словарях XVI в. заметна и другая тенденция – ограничить словник только «хорошими» словами и исключить из него «варварские» и «вульгарные» слова. Эта тенденция особенно видна в «Тезаурусе» Купера, автор которого старался не регистрировать в словаре слова «средневековой латыни, ограничивая себя только лексикой из произведений классического периода.

По типу латинско-английских и англо-латинских словарей в Англии в XVI-XVII вв. издается много переводных (двуязычных и многоязычных) словарей новых западноевропейских языков. Одним из первых был, по-видимому, англо-французский словарь Жана Палсгрейна, изданный в 1530 г. в качестве приложения к его учебнику французского языка [19, 1136]. За ним последовали другие словари этой серии (двуязычные и многоязычные): словари У.Томаса [52, 367], Н.Скотта [50, 467], К.Холлибанда [44, 396], Р.Конгрейва [42, 403] и др.

Итак, как можно видеть, основная цель английской лексикографии вплоть до начала XVII вв. была помочь читателю овладеть иностранным языком. Примерно до XV-XVI вв. это был латинский язык, начиная с первой трети XVI в. к нему прибавились новые западноевропейские языки. Так как целью подобных двуязычных и многоязычных словарей было дать только английские эквиваленты словам из латинского или из новых

западноевропейских языков, то их составители, естественно, не делали никаких попыток оценить словарный состав самого английского языка с точки зрения нормативности. Попытки подобной оценки появляются в английской лексикографии лишь в XVII вв.

1.2. **СЛОВАРИ «ТРУДНЫХ» СЛОВ**

К концу XVI – началу XVII в. в Англии стала ощущаться острая необходимость в объяснении не только иностранных слов (латинских или новых западноевропейских языков), а и самих английских слов, точнее, некоторой их части, так называемых «трудных» слов.

«Трудные» слова (*hard words*) того времени – это, во-первых, заимствования из латыни и греческого (наиболее многочисленная группа). Во-вторых, устаревшие, англосаксонские слова, употребление которых стало модным для писателей, поэтов и ученых того времени. И, в-третьих, это заимствования из новых западноевропейских языков, которые все больше проникали в английский язык. Словарный состав английского языка XVI в., по свидетельству А.Бо, «показывает заимствования более чем из 50 языков, важнейшими из которых, кроме латинского и греческого, были французский, итальянский и испанский» [10, 273]. Конечно, средний, неискушенный читатель, особенно не имевший классического образования, не мог справиться с таким огромным потоком заимствований в английском языке, ибо как не жестока была борьба с подобными заимствованиями [4, 245], они продолжали вливаться в английский язык. Единственным выходом из создавшегося положения было составление и издание словарей, объясняющих эти слова.

Словарь Кодри (1604) – первый словарь «трудных» для понимания слов [29, 278] – явился по общему признанию предтечей английских толковых словарей [16, 18]. Это был первый, так сказать, англо-английский

словарь. Для нас этот словарь важен еще и потому, что в нем автор высказал некоторые свои идеи относительно нормативности.

Словарь Кодри – весьма скромных размеров и насчитывает всего лишь около 2,5 тыс. слов. Каждому заглавному слову предпослано краткое пояснение, состоящее чаще всего из одного слова-синонима или из небольшой группы слов-синонимов. Например:

Barke – small ship.

Deduct – to take or drawe out, abate or diminish.

Magistrate – governor.

Maladie – disease.

Уже в первых строках «Обращения к читателю» Кодри показывает свое отношение к нормативности, в частности, отношение к «книжным» словам. Хотя словарь создан специально «для обучения правильному написанию и пониманию обычных трудных английских слов, заимствованных из древнеевропейского, греческого, латинского или французского и др.» (титульный лист словаря), тем не менее Кодри предлагает относиться к указанным словам осторожно. Он поясняет, что те люди, которые по своему положению или признанию обычно обращаются к широкой аудитории, и особенно к «необразованным», должны «остерегаться странных книжных слов и пытаться говорить так, обычно принято с тем, чтобы даже наиболее неграмотный человек мог и хорошо понять» [29, 278]. Как видно, Кодри призывает не перегружать свое речь «книжными словами».

По-видимому, Кодри стоял за единообразие языка, за единый обязательный образец для всех носителей английского языка на всех специальных ступенях. Во всяком случае, он заявлял: «Не говорим ли мы только потому, чтобы другие понимали нас? И не дан ли язык для той цели, чтобы один человек знал, что подразумевает другой?» И далее: «Мы должны поэтому делать различия в английском языке и говорить, что некоторая его

часть является обработанной, а другая – грубой, одна – королевской речью, другая – провинциальной речью: или, напротив, мы должны по необходимости изгнать всю аффектированную риторику и употреблять только один образец языка» [29, 278].

Приведенный выше высказывания Кодри, хотя и носят спорный характер, тем не менее, безусловно, показывают его тягу к простому, «неаффектированному» и «незасоренному» заимствованиями языка. К сожалению, положения Кодри, выдвинутые им в «Обращении к читателю», не нашли никакого выражения или подтверждения в самом корпусе словаря. В нем Кодри не показал свое отношение к нормативности, никак не выделив или не пометив ни конкретные слова, ни лексические группы. Это и понятно. Описание существующих границ нормативности лексики не было ни задачей словарей XVI в., ни задачей словаря Кодри. Основой и, пожалуй, единственной целью его словаря, как ее изложил сам автор на своем просторном титульном листе, было дать определение значений «трудных» слов и их правописание. Таким образом, составитель преследовал чисто практические цели – помочь широкому читателю в понимании слов латинского, греческого, французского происхождения (хотя в предисловии он не удержался от выражения своих мыслей относительно нормативности).

Однако в XVII в. все же можно отметить попытки как-то описать нормативный статус хотя бы некоторых слов в самом корпусе словаря.

Словарь Буллокара (1616). Вскоре после словаря Кодри вышел в свет второй словарь этого типа, составленный Джоном Буллокаром» [40, 409]. Этот словарь преследовал те же цели, что и словарь Кодри, а именно «раскрыть значение таких трудных слов для блага всех необразованных с тем, чтобы они могли понимать и употреблять их» [40, 409].

Буллокар так описывает процесс заимствований, очевидцем которого он являлся: «Наш язык заимствует огромное количество странных слов не

только из латинского и греческого (и из древнееврейского), но и из иностранных вульгарных языков вокруг нас; кроме этого различные старые слова, теперь вышедшие из употребления и различные термины искусств...» [40, 409].

Естественно, что структура и материал словаря Буллокара мало чем отличались от словаря Кодри, хотя словник увеличился более чем в два раза (около 6 тыс. слов). Исключая увеличение словника оба словаря фактически идентичны. Ср., например, следующие словарные статьи из словаря Буллокара:

Casualtie – Chance, fortune, hap-hazard.

Tragicall – Mournnefull, lamentable, deadly which endeth like a Tragedy.

Transport – To send over by shippe.

Тем не менее, словарь Буллокара является для нас весьма важной вехой в истории английской лексикографии, который попытался показать в самом корпусе словаря свое отношение к определенным группам лексики. Так, Буллокар помечал знаком «звездочка» устаревшие слова или слова, вышедшие из употребления. Он никак не оговаривает использование «странных и книжных» слов (как это делал Кодри), однако почему-то запрещает одну их группу, а именно устаревшие слова, помечая их знаком «звездочка». «Помни также, - пишет он в «Наставлении к читателю», - что каждое слово, отмеченное этим знаком *, является устаревшим словом, употребляемым словом, употребляемым только некоторыми древними писателями и теперь вышедшим из употребления [40, 235]. Например:

* **Laye** – A song.

* **Leede** – An old name of the moneth of March.

* **Legisters** – Lawyers.

Буллокар, следовательно, пытался показать хронологические границы словника словаря современному ему английского языка, кроме того, давая

знак «звездочка», он намеренно предостерегал читателя от употребления определенной группы лексики.

Еще одной отличительной чертой словаря Буллокара было то, что он впервые в истории английской лексикографии отметил принадлежность слова к той или иной отрасли знаний. Например:

Endorsed – A terme of Herauldrie...

Assets – A terme in the Common Lawe...

Lethe – A Poeticall word...

Enthymeme – A term of Logick...

Таким образом, в словаре Буллокара намечается тенденция ограничения, точнее выделения определенных групп лексики с целью помочь читателю разобраться в современном нормативном статусе слов. Хотя подобные указания проводятся в словаре непоследовательно, от случая к случаю, тем не менее, сама идея их выдвинута Буллокаром впервые в истории английской лексикографии.

Словарь **Кокерама** (1676) впервые в истории английской лексикографии так и называется – «Словарь английского языка» [41, 422]. Все предыдущие лексикографические справочники использовали в качестве заглавия самые разнообразные термины, как-то: сокровищница, улей, алфавитная таблица, толкователь и т.п., но только не слово «словарь».

Важно отметить, что к первой трети XVII в. отношение к «трудным» словам несколько меняется. Если Кодри и Буллокар составляли свои словари в основном с тем, чтобы помочь читателю понять «трудные» слова, то Кокерам преследует еще одну, дополнительную цель. Его словарь (как и словари Кодри и Буллокара) предназначен «для понимания наиболее трудных авторов, изданных на нашем языке» (титульный лист словаря), а также (и это уже новое) «для быстрого приобретения элегантного изящества в английском языке, как в чтении, так и в говорении, и письме» (титульный

лист словаря). Как видно, владение «трудными» словами становится признаком «элегантности» речи.

По объему словарь Кокерама почти такой же, как и словарь Буллокара. В «Предупреждение автора читателю» Кокерам так поясняет структуру словаря и определяет его задачи: «Первая книга включает самые лучшие слова, находящиеся в современном употреблении; благодаря им наш язык становится богатым и обильным; этим словам дано их обычное значение. Вторая книга содержит вульгарные слова, которые будет искать всякий, кто желает знать значения, выраженные изящным и элегантною образом... Последняя книга представляет собой описание некоторых личностей, богов и богинь, гигантов и дьяволов, чудовищ и змей, птиц и животных, рек, рыб, трав, камней, деревьев и т.п. ...»[41, 422].

Первая часть словаря фактически ничем не отличается от предыдущих словарей «трудных» слов.

В ней Кокерам дает объяснения, толкование обычных широко употребительных значений «трудных слов». Например:

Academie – an Unversite, or great publicke Schoole.

Academicall – belonging to an Universitie.

Accelerate – to hasten.

Повторяя Буллокара, Кокерам выделяет знаком «звездочка» (и таким образом предостерегает читателя от их использования) устаревшие слова, т.е. «вышедшие из употребления и используемые только некоторыми древними писателями». «Эти слова, – предупреждает он, – не следует употреблять» [41, 422]. Всего в первой части словаря выделено знаком «звездочка» 24 слова[18, 3]. В основном это «трудные» слова латинского и греческого происхождения. Например:

***Abandon** – to forsake, or cast off.

* **Abate** – to make less, diminish, or to take from.

- * **Aye** – forever.
- * **Bale** – sorrow, great misery.
- * **Bardes** – Ancient Poets.

Принцип выделения только этих 24 слов неясен. В «Предупреждении читателю» Кокерам также не дает никаких пояснений по этому поводу. Тем не менее, деление лексики на две группы: рекомендуется к употреблению и нерекомендуется – налицо.

Во второй части автор дает вульгаризм (или то, что он считает таковыми), а к ним – изыскание, высокие синонимы – эквиваленты.

Например:

- To bound** – Limit.
- Boundings** – Limitations.
- Buriall** – Sepulture.
- To burne** – Calciate.

Вторая часть словаря является, конечно более значительной попыткой показать свое отношение к определенным группам слов. Здесь Кокерам стремится отграничить «самые лучшие слова» от «вульгарных», «простых» слов. Кроме того, он стремится научить читателя употреблять в речи только «самые изысканные слова». Все «простые», «вульгарные» слова второй части получают объяснения-синонимы в виде «изящных», «красивых» или «изысканных» слов. В авторском наставлении читателю Кокерам поучает его, как надо заменять «простые» слова «изящными», а лучше всего – «изысканными», т.е. «самыми красивыми» и наиболее рекомендованными им к употреблению. Эти слова даются им курсивом. Например:

Strong – Energeticall, Herculean, Strenuous, Sampsonian, Firme, Atlanticke, Vigorous, Robustious, Doughtie.

В данной словарной статье Кокерам считает strong «вульгарным» словом, все другие, приведенные в статье, – «изысканными», «красивыми» словами, а слово energetically «изысканным» словом»[7, 20]. Ср. также следующие словарные статьи:

Strength – Nervicity, Vigour, Energie, Firmitie, Stenuitie.

To Polish – Levigate, Interpolate.

To Declare – Dilucidate, explaine, intimate, dilate, enucate, define, demonstrate, enode, emedul.

Таким образом, если первая часть словаря Кокерама – это обычный лексикографический справочник по «трудным» словам, то вторая часть – это пособие по овладению «элегантным» языком. В этом несомненно просматривается та идея, что словарь должен быть образцом «правильной», «чистой» и «элегантной» нормы. В дальнейшем эта идея получит чрезвычайно широкое хождение, как в английской, так и во всей мировой лексикографии. По сути дела, вторая часть словаря Кокерама явилась предтечей многочисленных словарей, пропагандирующих одну и только одну «правильную» норму.

Словарь **Блаунта** (1656) имел своей целью, как и все предыдущие издания этого типа, дать объяснения или «простые» эквиваленты «трудным», книжным словам того времени [43, 244]. Построение словарной статьи тоже мало чем отличается от предыдущих словарей: заглавное слово, затем (часто, но не всегда) указание, откуда оно заимствовано, и его толкование, представленное словом или группой слов. Например:

Acupictor (Latine) – an Embroiderer, or any one that works with a Needle.

Aduncous (aduncus) – crooked.

Блаунт продолжает, но, может быть, более последовательно, показывать источник заимствования слов, а также область знаний, к которой

они принадлежат. Кроме того, он часто указывает автора, у которого взято данное слово. Например:

Depredable (depredabilis) – that may be robbed or spoiled (bacon).

Не отличается словарь Блаунта оригинальностью словника и определениями слов. Как показали Д.Старнес и Г.Нойес, Блаунт свободно заимствовал материал из предшествовавших словарей [23, 40-42].

Хотя эти же авторы и заявляют, что Блаунту принадлежит честь быть первым английским лексикографом, который приводил имена авторов, у которых он брал материал [23, 47], тем не менее, приведение в словаре цитат-иллюстраций с именами авторов для придания авторитета словарю, как мы указывали, можно найти еще у составителей английских двуязычных глоссариев XV – XVI вв. Однако в XVII в. Блаунт был действительно первым английским словарником, кто возродил эту традицию. В «Обращении к читателю» Блаунт отмечает: «Многим словам я добавил имена авторов с тем, чтобы не думали, что я и ввел в язык сам» [30, 13]. Это замечание чрезвычайно важно, ибо оно свидетельствует о начале нового, более объективного подхода к словарному делу, к отбору словника в частности. Блаунт не просто включал в словарь слова, которые он знал, или слова из других лексикографических источников, а пытался установить новый лексикографический принцип: регистрировать в словаре только те слова, которые он находил в языке того времени, в литературных текстах.

Безусловной заслугой Блаунта следует признать гораздо более глубокое, чем у его предшественников понимание того факта, что язык все время изменяется, развивается, движется. «Мой труд», – писал он, – не будет окончен, так как наш английский язык ежедневно изменяется [30, 25]. Блаунт, однако, не пессимистически смотрит на факт изменений в языке. Он считает языковые изменения неизбежными и необходимыми. В

доказательство он цитирует Горация и Чосера, и заявляет, что даже латинский язык, будучи живым языком, изменялся.

Оправдывая издание своего словаря, Блаунт повторяет тезис, который уже приводили до него и который будет весьма часто повторяться последующими лексикографами. Это тезис о том, что данный словарь регистрирует только «самые необходимые», «самые лучшие», «самые употребительные» слова. «Я включил, – поясняет он, – такие, которые больше всего употребляются и которые необходимо больше всего знать, то есть те, которые в настоящее время в почете» [30, 47].

Вряд ли, конечно, «трудные» слова, заключенные Блаунтом в словарь, удовлетворяли приведенным выше притязанием. Многие из них были явно чужеродным элементом в лексике английского языка. Но Блаунт и последующие лексикографы без конца повторяли этот тезис, пытаясь убедить покупателя в том, что именно этот словарь содержит «самые лучшие» слова.

Словарь Филлипса (1658) в соответствии с традицией имеет в заглавии вначале слово «мир» и только после него следует слово «словарь»: «Новый мир слов, или общий словарь» [48, 345]. Несмотря на заглавие, он никак не является «общим словарем» в нашем понимании, ибо регистрирует в основном лишь «трудные слова», т.е. лексику иноязычного происхождения, или технические термины. Он примечателен тем, что содержит большое для своего времени количество слов, около 11 тыс. Увеличение словника происходит не за счет включения в словарь обыденных, простых слов, а за счет имен, географических названий, а также терминов из механики, астрономии, физики, хиромантии и т.д. Например:

Capstand or Capstern, a term in Navigation being an instrument in a ship to weigh Anchor, a windebeame or draw-beame.

Caracol (French), spoken chiefly for soldiers, to cast themselves into a round ring.

Филлипс беззастенчиво заимствовал материал из словарей своих предшественников, не делая никаких ссылок о заимствованном им материале. Из других словарей он брал все, что считал нужным или заслуживающим внимания. Интересный материал о размерах (около 90 %) заимствований в словаре Филлипса содержит книга Д.Стернерса и Г.Нойес [23, 53].

Построение словарных статей у Филлипса такое же, как и у предыдущих словарей, за исключением того, что он более последовательно проводит этимологическую характеристику слова, давая почти в каждой статье указание на источник слова.

Exultation (Lat.) – a triumphing for joy.

Exploit (French) – a valiant act.

Genealogie (Greek) – description of ones Family, descent, or lineage.

Gowreth (old word) – stareth.

В предисловии словаря Филлипс первым высказал мысль о том, что словарь должен быть творением коллектива ученых, а не одиночки, так как только специалисты различных областей науки могут дать исчерпывающие и точные определения слов. Хотя на титульном листе этого словаря и стоят фамилии нескольких ученых, этому вряд ли можно верить, по-видимому, фамилии были внесены в словарь только ради рекламы.

Что касается отношения к нормативности, то здесь Филлипс целиком и полностью следует традициям своего времени. В посвящении к словарю он уверенно заявляет, что несмотря на то, что английский язык и подвергается порче вследствие издания неклассифицированных словарей, он пытается выпуском своего справочника «предохранять наш язык от варваризмов и пагубных искажений», а также улучшить его, восстановить его в былом

величии и сделать весьма удобным для людей и всех случаев жизни...» [48, 78].

В предисловии Филлипс разъясняет, что его задачей было включить как можно большее количество таких слов, которые вызывают трудности у читателя, ибо «легче отсечь избыток, нежели иметь недостаток» [48, 78]. Однако он здесь же предупреждает читателей, что нельзя просто механически относиться к содержанию словаря. «Я не отрицаю, – пишет он, – что в этом словаре имеется много слов (хотя и меньше, чем в других книгах подобного рода), которые я бы не рекомендовал употреблять по причинам их неприемлемости и репутации. Как видно, желая «улучшить» английский язык, Филлипс возвращается к практике запрета и осуждения некоторых групп лексики. Он поясняет читателю, что не мог вовсе не включить в словарь указанные слова «ибо хотел удовлетворить все вкусы, зная тем более, сто эти слова встречаются в письменных текстах». «Неискушенный читатель, – продолжает Филлипс, – был бы доволен, если бы они не были объяснены» [48, 66].

Включая в свой словарь слова с «плохой репутации», Филлипс помечает их «крестиком». «Всем таким словам я предпослал мой запас с тем, чтобы тот, кто изучает естественный и непринужденный стиль, мог бы обратить на них внимание и остерегаться их...» [48, 56]. Например:

- + **Altiloquent** (Lat.) – speaking loftily.
- + **Altivolant** (Lat.) – soaring, or flying aloft.
- + **Appuyed** (French) – stayed, supported.
- + **Antigraph** (Greek) – a copy, a counterpane.

Важно отметить явно непоследовательный характер выделения знаком «крестик» «плохих» слов у Филлипса [48, 43]. Как отмечает Н.Осселтон, в словаре Филлипса выделено знаком «крестик» 21 слово на букву «А», одно слово «В», ни одного слова на «С», два слова на «D» и «Е».

Далее вплоть до «I» нет ни одного выделенного слова, и вдруг неожиданно на «I» отмечено знаком «крестик» сразу 53 слова. Начиная с «Q» и до «Z» выделено всего лишь одно слово [18, 41].

Вообще из 11 тыс. слов, приведенных в словаре, Филлипсом выделено осуждающим знаком лишь 96 слов.

Интересно отметить еще один немаловажный факт. Разъясняя читателю, какие слова отмечены осуждающим знаком, Филлипс добавляет, что «если некоторые из них случайно не отмечены крестиком... то это не страшно, тем самым читателю предоставляется возможность самому выразить свой вкус и здравый смысл [48, 33]. Это замечание Филлипса до сих пор ускользало из поля зрения исследователей, а между тем здесь впервые в истории английской лексикографии лексикограф не только поучает читателя (что является обычным для словарников XVI-XVII вв.), но и (что весьма важно) относится к нему как здоровому носителю языка, способному самому, на основе анализа существующего узуса, принять те или иные решения относительно нормы.

К четвертому изданию своего словаря (1678) Филлипс предлагает два списка. Один из них является дополнением и исправлением словника первого издания словаря. Материалы для него взяты, по-видимому, из других лексикографических изданий.

Второй список более интересен и представляет собой группу слов, которые Филлипс не рекомендует к употреблению. Этот список имеет следующее заглавие, объясняющее его цель: «Собрание таких аффектированных слов из латинского и греческого, которые необходимо или употреблять осторожно, только при должном случае, или вообще отвергать как варварские т.е. незаконно образованные и заимствованные; наиболее плохие из этих слов отмечены крестиком». Большинство приведенных в этом списке слов действительно никогда не имело широкого хождения в языке.

Однако в списке имеются и такие слова, которые повсеместно употребляются в настоящее время. Например: *autograph*, *bibliography*, *ferocious*, *inimical*, *misanthropist* и др.

Таким образом, на примере словаря Филлипса мы видим еще одну попытку как-то выделить «плохие», «варварские» слова и, более того, снабдить их осуждающими знаками с тем, чтобы запретить их использование в языке. Пуристский характер подобного отношения к словарному составу языка очевиден. Лексикограф заботится более об «очистке» языка, о недопущении «плохих» слов, нежели о регистрации и объективном описании существующего положения вещей.

Словарь Кокерама (1676) насчитывает 25 тыс. слов [41, 422]. Кокерам заимствовал (фактически без каких-либо изменений) чрезвычайно много материала из словаря Филлипса.

Сравнение словарных статей, проведенное Старнесом и Нойесом, убеждает в этом [23, 59-60].

Несмотря на то, что Кокерам во многом следует за Филлипсом, он не использует в словаре ни одного осуждающего знака, которые мы так привыкли видеть в словарях «трудных» слов XVII в. Коулз приводит в словаре без каких-либо помет или знаков даже те слова, которые до него другие лексикографы давали с осуждающими знаками. Причины отхода Коулза от уже установившейся традиции использования осуждающих знаков неясны. Не объединяет их Кокерам в «Предисловии» к своему словарю, которое, кстати, довольно кратко и поверхностно.

Одним из нововведений Кокерама следует признать включение им в основной корпус словаря жаргонных и диалектных слов. Те и другие он помечает специальными пометами. Так, жаргонные слова сопровождаются пометой *C* (= *canting*) «жаргон». Например:

Damber – *C. a rascal*.

Dell – **C.** a wench.

У диалектных слов имеются указание на территориальных источник (район Англии), где они употребляются. Подобные пометы, несомненно, являются предтечей современных территориальных помет. Например: **E** (Essex) – «эссекское», **Sc** (Scotch) – «шотландское». **La** – (Lancashire) – «ланкаширское»

Crank – **E.** lusty, jovial, brisk.

Eath – **Sc.** an Oath.

Craddanly – **La.** As crossantly, cowardly.

Устаревшие слова обозначаются в словаре пометой **O** (= obs) – «устаревшее».

По-видимому, Кокерама включил в словарь жаргонные и диалектные слова просто из желания увеличить словник своего словаря, и, быть может, поразить читателя новизной подхода к этим группам лексики. Во всяком случае, он никак не объясняет в предисловии причин приведения этих групп лексики, хотя и заявляет, что ввел в словарь «большое количество слов и выражений, принадлежащих нашим английским диалектам и нескольким графствам» [23, 100]. Несмотря на отсутствие объяснения причин, Кокераму, несомненно, принадлежит заслуга принципиального введения в толковый словарь английского языка диалектных и жаргонных слов, т.е. расширения сферы регистрации лексики за счет ненормативных ее слоев.

1.3. **ЗАРОЖДЕНИЕ СЛОВАРЕЙ В 18 ВЕКЕ**

Последователи Кодри, Буллокар, Блаунт, и другие продолжали путь расширения словников, включая в свои словари все больше и больше «трудных», непонятных широкому читателю слов. Очень скоро словари стали напоминать собрание курьезных, необычных слов, где только изредка можно было встретить слова, более или менее знакомые широкому читателю. Кокерам, как мы уже указывали, впервые в истории английской

лексикографии пытался расширить словник словарей «трудных» слов, вводя в словарь диалектные и даже жаргонные слова, однако он не регистрировал «простые», обыденные английские слова. Первым, кто обратил внимание на самые простые слова, был Джон Керси.

Словарь Керси (1702) вышел в свет под названием «Новый английский словарь», подписанный инициалами [46, 267]. Авторство словаря приписывается известному английскому лексикографу Джону Керси, однако это не вполне установлено [46, 69].

Уже само заглавие словаря делает упор на принцип возможно более широкого охвата «простых», обыденных английских слов в отличие от «трудных». На титульном листе автор прямо заявляет, что включил в него большое число «наиболее нужных и важных слов, повседневно используемых в языке». Наряду с этим, отдавая дань традиции словарных «трудных» слов, Керси поместил и «книжные» слова, научные термины, заимствования из латинского и греческого и т.п.

В предисловии к словарю Керси указывает, что, по его мнению, существующие словари, особенно словарь Кокерама, не отражают действительного положения дел в английском языке, а лишь перечисляют сотни «трудных» слов, «которые едва ли когда-нибудь употреблялись каким-либо древним или современным писателем даже в переносном, философском или поэтическом смысле» [33, 72]. Именно поэтому, пишет Керси, «неискушенный человек, ищущий простое английское слово среди такого леса слов, которые вне его понимания, обязательно теряет его, чувствует себя крайне обескураженным и бросает дальнейшие поиски...» [46, 267].

Доказывая, что «очень мало истинно английских и простых слов» зарегистрировано в существующих словарях, Керси отмечает, что в своем словаре он «намерен объяснить только такие английские слова, которые являются истинно английскими и которые употребляются рассудительными

людьми, владеющими хорошим стилем», поэтому его словарь является «собранием всех наиболее правильным и значимых английских слов, которые повседневно употребляются или в устной речи, или в хорошо знакомых литературных произведениях» ...»[46, 200].

Число слов, включенных в словарь, является рекордным по тому времени – 28 тыс., и это говорит о том, что провозглашенный Керси принцип возможно более широкого охвата употребительной лексики современного ему английского языка не был голословным, а был претворен им в жизнь. Словарь Керси, следовательно, – первый и весьма значительный шаг по пути создания всеобъемлющего толкового словаря английского языка, регистрирующего английскую лексику, актуальную для данного периода развития языка.

Количественно увеличив словник, автор, однако, чрезвычайно сократил определения слов. Большой частью его определения состоят из одного-двух слов. Например:

A Fork – a well-known instrument.

A Horse – a laboring Beast.

A Cat – a well-known creature.

An Elephant – a Beast.

A Goat – a Beast.

Что касается непосредственного отношения Керси к проблеме нормативности, то следует отметить, что он отошел от практики обозначения в словаре nereкомендуемых слов каким-то особым знаком. Керси предпочел просто не включать в словник своего словаря неудобные ему по каким-либо причинам слова. В предисловии к словарю Керси особо поясняет, что им «опущены такие слова, как устаревшие, варварские, иностранные или относящиеся к некоторым графствам Англии, а также многие трудные,

малопонятные и старинные термины, как совершенно излишние и даже вредные для начинающих овладевать языком...»[46, 206].

Тем самым Керси занял совершенно особую позицию в истории английской лексикографии, которая резко отличается от позиции других лексикографов: с одной стороны, в словаре Керси нет никаких запретительных знаков или помет, а с другой – все те слова, которые сопровождались в предшествующих словарях подобными знаками, просто не включались Керси в его словарь 1702 г.

Словарь **Керси – Филлипса** (1706). В 1706 г. Керси выпустил в свет шестое переиздание словаря Филлипса 1658 г.: «Новый мир слов: или универсальный английский словарь» [28, 123]. Это переиздание выполнено так добросовестно, квалифицировано и настолько по-новому, что оно по справедливости считается не переизданием, а новым словарем английского языка. В истории английской лексикографии это издание принято называть словарем Керси – Филлипса.

Продолжая традицию, начатую в словаре 1702 г., Керси и здесь регистрировал две большие группы слов, а именно: «трудные» слова и «простые», широко употребительные слова. Как видно, этот словарь Керси также стремился сделать всеохватывающим. Об этом говорит и его словник, насчитывающий около 38 тыс. слов.

Продолжая традицию английских лексикографов, в частности Филлипса, Керси использует в своем словаре запретительный знак «крестик». При этом он даже никак не оговаривает его использование. Последнее обстоятельство могло бы означать, что Керси просто переносит в свой словарь слова, помеченные крестиком у Филлипса, и поэтому не считает нужным объяснять использование знака. Однако анализ отмеченных слов, проведенный нами, показывает, что Керси снабдил крестиком много слов, не имеющих такой знак в словаре Филлипса в 1658 г. Тот факт, что

Керси даже не считает нужным оговаривать использование запретительного знака, говорит, по-видимому, о том, что практика их использования в словарях была не только нормальной и широко распространенной, но даже являлась необходимым лексикографическим приемом, предупреждающим читателя о недопустимости употребления определенных категорий слов.

Указанным знаком Керси помечает 309 слов из 38 тыс. слов своего словаря. Большинство из помеченных слов – это «трудные» слова латинского происхождения [46, 44-59]. Например:

+ **Pulverulent** – full of Dust or Powder, dusty.

+ **To Transcolate** – to strain thorough.

+ **To Whindle** – to Whimper, or Whine.

Кроме того, Керси вводит в словарь помету: «областное слово»
Например:

Kidcrow – (Country-Word) a place for a sucking Calf to lye in.

Керси пользуется этой пометой чрезвычайно мало и весьма нерегулярно, тем не менее, он пытается так же, как и Коулз, выделить территориально маркированную лексику.

В предисловии к словарю Керси повторяет некоторые пуристские мотивы, столь характерные для лексикографов того времени. Он, в частности, говорит о том, что английский язык в настоящее время «значительно улучшен, в такой степени, что богатый словарный запас, разнообразие стилей, чистота и элегантность выражения и другие преимущества говорят о том, что он равен всем другим современным языкам, если не превосходит их» [46, 101].

Таким образом, в отношении проблемы нормативности словарь Керси – Филлипса ничем не отличается от предыдущих изданий. В его предисловии также слышны пуристские нотки, и он также полностью следует установившийся практические выделения определенных групп слов

запретительным знаком. По всей вероятности, практика осуждения и запрещения использования некоторых слов была настолько банальной и всеобщей в английской лексикографии того периода, что нигде в словаре Керси – Филлипса даже не объяснялось значение и употребление запретительных знаков.

Словарь Бейли (1721). Несмотря на то, что, как было отмечено выше, в словарь Керси 1702 г. было впервые включено наряду с «трудными» словами, довольно большое количество «простых», обыденных английских слов, тем не менее, пальма первенства включения в словарь этих слов обычно (и не совсем справедливо) отдается Нейтану Бейли, который считается первым английским лексикографом, снизошедшим до включения, как выразился Р.Чэпман, таких обыденных слов, как «собака» и «кошка» [11, 13].

Заметим также, что Ч.Фриз, один из известных англистов XX века, считал словарь Бейли 1721 г. «наилучшим популярным словарем XVIII в.» [13, 31]. Здесь не место анализировать корни и причины подобного распространенного игнорирования заслуг Керси. Для нас важно отметить только то, что словарь Бейли, вышедший в 1721 г. [38, 456], также был весьма значительной попыткой включить все слова английского языка («простые» и «трудные»). Он насчитывал около 40 тыс. слов, что было весьма большой цифрой для того времени.

На титульном листе словаря дано: «Универсальный этимологический английский словарь, содержащий этимологию большинства слов английского языка, как древних, так и современных; из древнеанглийского, саксонского, датского, нормандского... языков. Также дается краткое и ясное объяснение всех трудных слов... и терминов из анатомии, ботаники, физики... Вместе с большим собранием и объяснением слов и выражений,

используемых в наших древних статусах, хартиях, старых записях и судебных протоколах... приводятся диалекты наших различных графств...».

Как видно из титульного листа, основная цель словаря Бейли – дать этимологию слов. Вторая цель – объяснить значение «трудных» слов. Следовательно, с одной стороны, словарь Бейли 1721 г. все еще остается словарем «трудных» слов; однако, с другой – это еще и этимологический словарь. По-видимому, основной причиной, заставившей Бейли сделать словарь всеохватывающим (и не только словарем «трудных» слов), был его интерес к этимологии; показ этимологии слов предполагал включение в словник как «простых», так и «трудных» слов [9, 28]. С выходом в свет словаря Бейли 1721 г. был сделан еще один крупный шаг к созданию толкового словаря английского языка, охватывающего все категории слов, как «простые» и «трудные».

Почти каждое слово в словаре Бейли 1721 г. имеет информацию о его этимологии. Например:

Cat – [Katze, Teut. Chat, F. of catus, L.] a domestic Beast which kills Mice and Rats, etc.

Dog – [doc, Sax. dogge, Belg. dock, Teut.] a Quadrupede well known; also an Andiron.

В дальнейшем благодаря Бейли показ этимологии слова стал неотъемлемой частью словарной статьи толкового словаря английского языка.

Как уже указывалось, Бейли старался включить в свой словарь все критерии слов. Об универсальности словаря говорит не только факт регистрации «простых», обыденных слов, но и факт включения в словарь диалектных и областных слов, жаргонной и устаревшей лексики.

В словаре Бейли 1721 г. мы не видим (так же, как и в словаре Керси 1702 г.) никаких попыток осудить или запретить употребление каких-то

групп лексик или отдельных слов. В нем нет никаких запретительных знаков относительно нормативности слов. Здесь имеются, правда, пометы с (country word – диалектное слово) и cant (canting word – жаргонное слово), однако они не имеют запретительного характера и даются в общем списке других помет как фактологические сведения о слове. Что касается отсутствия запретительных знаков, то здесь необходимо отметить, что между позициями Бейли и Керси есть существенная разница. Если Керси не использует осуждающих знаков и одновременно, по-видимому, вследствие этого не исключает в свой словарь неуютные ему слова, то Бейли, с одной стороны, не использует осуждающих знаков, однако, с другой – старается сделать свой словарь всеобъемлющим, регистрируя все категории слов: жаргонные, диалектные, устаревшие и другие.

Таким образом, основной целью словаря Бейли 1721 г. было, по-видимому, составить такой словарь, в котором все слова, или, по крайней мере, подавляющее их большинство, были бы подвергнуты той или иной критической оценке. Подобной задачи еще не ставил ни один английский лексикограф ни в XVII, в XVIII в.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Общий материал исследования, представленный в первой главе, позволяет нам сделать следующие выводы –

1. Подобное запретительное отношение лексикографов к определенным группам лексики и к отдельным словам, по нашему мнению, полностью согласуется со взглядами на язык, господствовавшими в Англии в это время, а именно с желанием сделать «лучше», «чище», «стабильнее». Правда, некоторые лексикографы (Блаут, и в какой-то мере, Коулз) не использовались осуждающими знаками, однако общее настроение, выраженное в предисловиях их словарей, говорит о том, что пуристские взгляды на язык и норму разделялись также и ими.

2. Итак, как видно из изложенного, в словарях «трудных» слов XVII, XVIII вв. наблюдается ярко выраженное отношение лексикографов к проблеме нормативности. Это отношение проявляется, прежде всего, в использовании особых знаков по отношению к определенным группам лексики, чаще всего по отношению к «трудным» словам латинского, греческого и другого происхождения, устаревшим словам, некоторым терминам и «вульгарным» словам. Знаки «звездочка» и «крестик» использовались авторами словарей XVII, XVIII вв., как осуждающие и запретительные, и слова, отмеченные ими не рекомендовались к употреблению и рассматривались как ненормативные.

3. Интересно отметить еще один важный факт. Опасаясь быть неправильно понятым и, очевидно, прекрасно сознавая, какую ответственность он на себя берет, пытаясь определить нормативный статус всех слов, Бейли здесь же, в предисловии оговаривается и добавляет, что он ставит перед собой лишь учебные цели, цели обучения правильному

словоупотреблению недостаточно образованных людей: «Моя цель – только помочь неискушенным, и я не собираюсь сделать из себя диктатора для образованных».

4. Среди лексикографов XVII в. следует особо выделить Кокерама, который не только использовал осуждающий знак «звездочка», но и пытался научить читателя, на материале второй части словаря, заменять «простые», «грубые» слова более «элегантными» и «изящными». Критерии отнесения слов к разряду «грубых» или «изящных» ни у Кокерама, ни у других словарников нигде не объясняются и, как видно из материалов словарей, носят явно субъективной и весьма непоследовательный характер. Таким образом, словарь мыслился не как объективное и беспристрастное описание языковой действительности, а как некое пособие, при помощи которого якобы можно было «очистить» язык и приобрести более «правильные», более «изящные» языковые навыки.

ГЛАВА II. ЗНАЧЕНИЕ СЛОВАРЯ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

В отношении включения нестандартной лексики составители также в большей мере выдерживают принцип объективной и научной регистрации фактов. Из слов этой группы было включено в словарь 10, оставив незарегистрированными лишь два наиболее грубых [10, 345]. Таким образом, составители полностью отошли от пуристской позиции Джонсона, а также его многочисленных последователей. Более того, это была первая попытка создания всеохватывающего и беспристрастного словаря за долгий период развития английской лексикографии, прошедший после выхода словаря Бейли 1730 г.

2.1. СЛОВАРЬ ЧАРЛЗА РИЧАРДСОНА

К первой трети XIX века словарь Джонсона все еще оставался в Англии самым авторитетным толковым словарем английского языка. Правда, к этому времени он был уже не раз переиздан, переделан, исправлен и дополнен, однако все же в своей основе это был словарь Джонсона, изданный впервые более 75 лет тому назад. Из наиболее известных и тщательно выполненных переизданий словаря надо назвать издание, выпущенное Г.Тодом в 1818 г. и это же издание, переработанное им в 1827 г. Кроме того, следует отметить дополнения к словарю Джонсона, выпущенные в свет Дж. Мейзоном и Р.Джодреллом в виде самостоятельных справочников [7, 12]. Хотя с момента выхода в свет словаря Джонсона до первой трети XIX века появилось довольно много других толковых словарей (например, словари Т.Шеридана, Дж.Уолкера, У.Перри и др.), все они так или иначе

основывались, как писали их авторы в предисловиях на «наиболее авторитетном» словаре Джонсона.

В 1837 году произошло событие, которое, однако, несколько поколебало, по крайней мере, в среде специалистов-филологов, авторитет и славу словаря Джонсона. В этом году был издан словарь Чарлза Ричардсона. Он начал издаваться в 1819 г. выпусками как часть «Энциклопедии Метрополитана». В 1837 г. словарь вышел отдельным изданием в двух больших томах и с пространным предисловием на 25 страницах [49, 123].

Ричардсон, ярый последователь идей известного английского филолога Хорна Тука, считал этимологию важнейшим моментом всей лексикографической работы. Он был твердо убежден, что Джонсон, а также все лексикографы до и после Джонсона, считал он, показывали в словарях только более или менее современное (для данного периода развития языка) значение слова и не давали «этимологического», «первичного», «основного» значения, которое, по его мнению, накладывает в конечном итоге самый важный отпечаток на все дальнейшее развитие слова. Ричардсон рассматривал развитие слова как постепенное «искажение» его первоначального значения. Именно оно, по его мнению, наиболее точно отражало связь между знаком (словом) и обозначаемым (понятием). Из этого он сделал вывод, что важнейшей задачей лексикографа является исследование этимологии слова и на ее основе — поиски его наиболее раннего, «первичного значения» [49, 166].

Первичное значение большинства слов весьма затемнено развитием слова и образованием в нем значений, однако это не означает, что нужно отказаться от его поисков. Особенно ценно, настаивал Ричардсон, восстановить первичное значение основного слова данного этимологического и словообразовательного гнезда. В соответствии с этим

словарь Ричардсона фактически и представлял собой гнезда слов с общей для каждого этимологией и общим кратким толкованием.

Считая этимологию основным ключом к разгадке дальнейшего развития значений слова, Ричардсон не давал в словаре определений всех значений слов, а ограничивался лишь кратким толкованием первичного значения, да и то только основного слова гнезда. Часто он вообще опускал все «второстепенные» значения слов. Затем в словарной статье шли цитаты, иллюстрирующие дальнейшее развитие значений слова. Тем самым, на основании этимологии и обильного цитатного материала, читателю представлялось самому судить о значениях слов.

Например:

ABHOR, v. – Fr. Abhorrer; It. Abborrire;

ABHORRENT – to dislike or detest;

ABHORRER – to loath, to disdain, to abominate

Далее следуют несколько пространных цитат-иллюстраций из английских авторов, начиная с Генри Серрея и кончая Хьюмом.

ABIDER – to tarry, to dwell, to continue;

ABIDING – to wait, to expect, to stay under;

ADOBE – to support, to bear up against;

ABIDANCE – endure, – with fortitude, good temper, kindness, hope, or the reverse.

Таким образом, Ричардсон поставил себе целью создать совершенно новый тип словаря английского языка.

Обширный цитатный материал (с 1300 г. по первое десятилетие XIX в.) составляет основную ценность словаря Ричардсона. Расположив цитаты в каждой словарной статье в строго хронологическом порядке, Ричардсон тем самым выгодно проиллюстрировал преимущества сравнительно-исторического метода вообще и исторического метода расположения

значений в словаре в частности. Он не приводил в словаре даты опубликования произведений, из которых была взята та или иная цитата-иллюстрация, однако указывал имена авторов и названия произведений. Трудно переоценить значимость словаря Ричардсона как огромного собрания хронологически сгруппированных цитат-иллюстраций из самых разных периодов развития английского языка. Буквально каждое заглавное слово сопровождается в словаре обильным цитатным материалом.

При всей своей ценности словарь Ричардсона, однако, мало что давал неискушенному читателю. Он был безусловно интересен для специалистов-филологов, находивших в нем богатейший цитатный материал, особенно из ранних периодов истории английского языка. Для широкого читателя этот словарь был малопонятен и фактически недоступен. Во-первых, он был перегружен периферийной лексикой (устаревшими и диалектными словами); во-вторых, в нем отсутствовали толкования всех значений слова; в третьих, он был обременен цитатами из произведений писателей ранних периодов английской литературы, которые были трудны для понимания широким читателем; в-четвертых, в нем зачастую чрезмерно большое место занимал сложный этимологический аппарат показа первичного значения английских слов; наконец, в-пятых, в нем отсутствовал строгий алфавитный порядок подачи слов (в алфавитном порядке были приведены лишь основные слова-корни этимологического и словообразовательного гнезда). Все это делало словарь непригодным в качестве практически используемого толкового словаря английского языка. Именно поэтому словарь Ричардсона никак не мог заменить словарь Джонсона, который в переизданиях и переработках, сделанных Г. Тоддом и Р. Латамом, все еще занимал прочные позиции на книжном рынке.

В среде специалистов-филологов, однако, словарь Ричардсона ценился весьма высоко. И если специалисты также понимали, что этот

словарь не может стать широко используемым толковым словарем английского языка, то они, во всяком случае, считали, что он может послужить солидной базой для создания нового Большого толкового словаря английского языка на исторических принципах.

Так, в 1855 г. Р.Гарнетт в рецензии на словарь писал, что словарь Ричардсона вероятнее всего станет *основой* более квалифицированных словарей, чем те, которые у нас до сих пор имелись [34, 310]. Его слова оказались пророческими. В начале XX века составители Большого Оксфордского словаря признательностью констатировали в «Историческом введении» к своему словарю, что «принцип иллюстрации истории слова, введенный Ричардсоном, имел важное значение в окончательном определении характера Большого Оксфордского словаря» [47, 7].

На основании изложенного можно с полным основанием утверждать, что появление словаря Ричардсона сыграло значительную роль в усилении позиций исторического метода в теории и практике английской лексикографии. Этот словарь, несмотря на свои недостатки, еще раз убедил английских филологов в необходимости создания нового толкового словаря на исторических принципах.

2.2. ВЗГЛЯДЫ РИЧАРДА ТРЕНЧА

Большое влияние на формирование в Англии исторической точки зрения на словарь сыграли взгляды видного английского филолога Ричарда Тренча.

Одна из первых работ Тренча «Об изучении слов», изданная в 1851 г. [24, 189], сразу же после своего появления привлекла внимание широкой общественности. Это была просто и доходчиво написанная книга о лексическом составе английского языка, с увлекательно сделанным анализом значений многих английских слов. Тренч с теплотой и любовью описывал каждое слово, анализировал значения, сравнивал синонимы, выискивал

ранние значения – короче, пытался привить широкому читателю к лексическому составу английского языка. Четыре года спустя Тренч публикует вторую работу, озаглавленную «Английский язык в прошлом и настоящем» [25, 123]. В ней, в отличие от первой, он больше внимания уделяет истории развития английской лексики. На богатейшем материале английской художественной литературы Тренч пытался показать, как развивался и обогащался лексический состав английского языка в течение всех периодов его развития. Наконец в 1857 году Тренч публикует еще одну работу «Отобранный глоссарий английских слов», посвященную истории развития значений английских слов [26, 167]. Работы Тренча имели огромный успех в Англии. В течение 10-15 лет после своего появления они переиздавалась почти ежегодно. Своими работами Тренч достиг прежде всего того, что возбудил интерес широких кругов английской общественности к лексическому составу языка. После опубликования указанных и некоторых других работ имя Тренча как одного из наиболее популярных и широко читаемых филологов становится известным всей Англии. В марте 1857 года он избирается членом Лондонского филологического общества, а уже в мае того же года – членом его руководящего комитета.

В ноябре 1857 года Тренч зачитал на двух заседаниях Общества доклад «О некоторых недостатках в наших словарях английского языка». Доклад произвел такое сильное впечатление на членов Общества, что было решено его опубликовать [27, 45]. Доклад Тренча явился одним из тех решающих событий, которые проложили прямой путь к созданию Большого Оксфордского словаря.

В докладе (как и следовало ожидать из его заглавия) Тренч подробно остановился на недостатках словарей английского языка, имевшихся в то время. В частности он собой отметил следующее: 1) неправильное решение

проблемы устаревших слов, диалектизмов, производных слов, а также научно-технический терминологии; 2) неудовлетворительное решение вопроса о порядке расположения значений в словарной статье; 3) неправильное решение вопроса о роли цитат-иллюстраций.

Однако кардинальное значение доклада Тренча для английской лексикографии было не в том, что он вскрыл недостатки словарей английского языка, точнее, не только в этом, а в том, что он выдвинул и обосновал принципиально новую, широко и глубоко задуманную программу создания толкового словаря на исторических принципах. Тренч отверг идею составления «Дополнения» к словарю Джонсона или к любому другому словарю, как это мыслилось ранее членами Лондонского филологического общества, и настоял на создании «совершенно нового словаря» [27, 1]. Принципиальное отличие этого словаря состояло в том, что Тренч полностью отошел от идеи предписывающего словаря (так долго господствовавший в истории английской лексикографии) и провозгласил концепцию словаря регистрирующего типа. К сожалению, этот важный факт, ознаменовавший, по сути дела, новую, современную эпоху в теории и практике английской лексикографии, до сих пор ускользал от внимания наших филологов, занимающихся историей английских словарей.

Новый словарь, по мысли Тренча, должен стать «описанием всего того, что есть в языке» [27, 4]. Задачей лексикографа, заявил Тренч, является «собрать и сгруппировать все слова, хорошие или плохие, нравятся ли они ему или нет...» [27, 5]. Лексикограф, по твердому убеждению Тренча, не может «отбирать хорошие слова языка». Если лексикограф, предупреждал Тренч, «начнет выбирать и отбирать, оставлять одно или принимать другое, то он тотчас же сойдет с правильного пути» [27, 4-5]. Таким образом, Тренч считал, что составитель словаря – это, прежде всего и только «историк языка, а не его критик» [27, 5]. Другими словами, задача лексикографа, по

Тренчу, заключалась в том, чтобы отразить в словаре язык таким, каков он есть в реальной действительности, а не таким, каким его хотел бы видеть лексикограф.

Представление о словаре как о законодателе норм, поясняет Тренч, направило большинство лексикографов по неправильному пути, а кроме того сбило с толку людей, пользующихся словарем. Подобные «недоразумения», по словам Тренча, подогреваются «претензиями», выдвигаемыми в отношении языка, французской академии, которая считает своей задачей производить отбор «хороших» слов. Однако, по мнению Тренча, «ничего подобного» лексикограф не может и не должен делать. «Я не понимаю, – восклицает он, – как кто-нибудь из писателей, даже с самой малой уверенностью в себе, в ком осталось хоть немного силы и энергии (а именно это и дает основание писателю обращаться к своим согражданам письменно и устно), как даже такой писатель может согласиться на то, чтобы разрешить самоназначенную диктатуру или даже сорока из них [24, 8] определять, какие слова он должен использовать, а от употребления каких он должен воздержаться» [27, 5].

Для Тренча словарь только тогда выполнит свое истинное назначение, когда он будет всеохватывающим. «Какую полноту или ценность, – спрашивал Тренч, – имел бы словарь греческого языка Скотта и Лидделя, если бы из него были изъяты все слова, заклеянные Фриникусом или другими греческими пуристами». Перед лексикографом, утверждал Тренч, стоит одна важнейшая цель: «составить описание всего того, что есть в языке»: он «делает опись языка», и «его задача сделать эту опись полной» [27, 5-6]. Лексикограф, писал Тренч, может думать все, что угодно о данном слове, может считать его как угодно плохим или хорошим, однако несмотря на это, его задача включить данное слово в словарь с тем, чтобы словарь был максимально всеохватывающим [27, 6].

Сказанное, однако, не означает, по Тренчу, что лексикограф не может дать ту или иную оценку словам. Все дело в том, чтобы эта оценка имела реальное основание в языке, а не была бы просто личным мнением лексикографа о данном слове. «Там где он (лексикограф), – пишет Тренч, – считает, что те или иные слова являются ненужными, искусственными, педантичными, плохо составленными или противоречащими гению языка, то он может все это высказать (и против этого нельзя возразить)... однако как бы ни были скромны претензии этих слов на включение в словарь, лексикограф обязан зарегистрировать их, т.е. широко и беспристрастно раскрыть двери для них, как впрочем, и для всех остальных» [27, 6].

Тренч считает, что окончательный приговор слову выносит не лексикограф (он только историк, но не критик!), а народ, использующийся данным языком. «Только те, – пишет он, – кто пользуется языком, могут отсеять от муки [9, 19], отвергнуть одно и принять другое. Именно они должны считаться настоящими членами «Академии отрубей»; титул отсеивателей есть узурпация, если он присваивается составителями словаря; тот факт, что они приписывают его себе, свидетельствует о том, как далеко они приписывают его себе, свидетельствует о том, как далеко они зашли в сторону от правильного понимания своей задачи» [27, 8].

Говоря о том, что лексикограф фиксирует в словаре только то, что действительно есть в языке, Тренч особо подчеркивает необходимость документировать, подтверждать цитатами каждое значение слова, заявляя, что «нет существенной разницы между тем, что слово отсутствует в словаре и тем, что оно не подтверждено цитатой» [27, 7]. Далее он специально оговаривает желательность нахождения наиболее ранних источников значений слов. Тренч настаивает на том, чтобы словарная статья была истинной биографией развития слова [27, 44].

Закljučая свои мысли относительно провозглашенного им «совершенно нового словаря», Тренч пишет: «Словарь есть исторический монумент, история нации» [27, 6].

Суммируя содержание доклада, можно в качестве итога выделить четыре основных положения, выдвинутые Тренчем:

1. Словарь должен отражать действительное состояние языка на данном этапе (или этапах) его развития, т.е. описывать язык таким, каков он есть;
- 2) Словарь должен быть всеохватывающим, т.е. регистрировать каждое слово во всех его значениях;
- 3) Словарь должен давать историческую биографию слова, т.е. по возможности прослеживать все этапы развития слова;
- 4) Словарь должен подтверждать цитатным материалом каждое значение слова, документируя тем самым проводимый в нем языковой материал.

Таким образом, в докладе Тренч, во-первых, четко и бескомпромиссно провозгласил идею словаря с широкой исторической перспективой и, во-вторых, ясно и недвусмысленно высказался за то, чтобы толковый словарь национального языка был прежде всего и только отражением того, что есть в языке. Другими словами, Тренч раз и навсегда отверг предписывающую точку зрения на словарь, которая была так характерна для английской лексикографии с начала ее возникновения вплоть до середины XIX века. Конечно, сторонники предписывающего словаря отступили не сразу – их протестующие возгласы можно слышать в Англии даже теперь, – тем не менее после выступления Тренча английская лексикографическая теория и практика взяла твердый курс по пути объективной и беспристрастной регистрации языковой действительности.

О том, насколько были важны идеи Тренча для создания Большого Оксфордского словаря, свидетельствуют заявления его составителей. Так, в «Предисловии об издании Филологическим обществом нового словаря

английского языка» специально подчеркивается, что в основу данного словаря положены идеи и взгляды [20, 2].

Об основополагающем значении идей Тренча для себя и для своих коллег по составлению словаря писал в письме к Тренчу первый редактор Большого Оксфордского словаря Г.Колридж: «Я с большим удовлетворением могу, однако, сообщить, что все основные черты Вашего плана были сохранены и что (хотя многое было добавлено), мы не ввели ничего, что противоречило бы положениям Вашего очерка» [12, 77]. Об этом же свидетельствовал и третий редактор словаря Джеймс Маррей [16, 46].

Наконец в «Историческом введении» к словарю, написанном в 1933 году, специально оговаривается роль Тренча: «Даже сегодня, учитывая, что прошло три четверти века и что за это время произошел значительный прогресс в разработке проблем английского языка, доклады Тренча сохраняют свою ценность как ясно сформулированные положения о том, каким должен быть словарь английского языка. Все те, кто обращается к этим докладам, не могут не видеть, как ясно он видел те направления, по которым должен создаваться словарь (Лондонского филологического) общества. Все эти положения являются прямым результатом исторического принципа, который он выдвинул в качестве единственно прочной основы лексикографической работы» [36, 7].

Таким образом, Р.Тренч был одним из тех, кто не только вдохновил Лондонское филологическое общество на создание словаря нового типа, но одним из немногих, кто прочно заложил методологические основы будущего словаря английского языка. По сути дела, с этого момента в Англии начинается новая и современная эпоха в теории и практике словарного дела.

Итак, в самой общей форме предпосылками создания крупнейшего лексикографического предприятия, каким является Большой Оксфордский

словарь, следует, прежде всего, факт появления к середине XIX в. качественно новой лингвистики, сравнительно-исторического языкознания.

2.3. МНЕНИЯ СОВРЕМЕННИКОВ К СЛОВАРЮ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Если наш язык, – писал Джонсон в предисловии к словарю, – не представлен здесь в полной мере, то я преуспел только в попытке превозмочь предел человеческих возможностей [14, 29]. Этими словами Джонсон подытожил свой труд «на благо нации», и нация отвечала своему великому гражданину самой искренней благодарностью. Словарь Джонсона раскупался с невиданной для того времени быстротой. Все 2 тыс. экз. первого издания, вышедшего в апреле 1755 г., разошлись так быстро, что издатели выпустили в июне этого же года второе издание (точнее перепечатку) словаря. Третье издание (опять же перепечатка) появилось в 1765 г., а четвертое, исправленное и дополненное самим Джонсоном, в 1773 г. Еще одно, пятое издание (перепечатка с четвертого) вышло в свет перед самой смертью Джонсона в 1784 г.

Кроме полных изданий, словарь выходил и в сокращенных выпусках. Первое такое сокращенное издание появилось в декабре 1755 г. тиражом в 5 тыс. экз. – огромная цифра для того времени. В 1760 г. вышла вторая перепечатка сокращенного издания. В последующие годы, вплоть до 1876 г., было выпущено около четырнадцати подобных сокращенных изданий.

В результате такой популярности имя Джонсона стало в Англии синонимом «словаря», а сам словарь – Словарем с большой буквы [22, 1].

Оксфордский университет, который Джонсон из-за бедности вынужден был в свое время покинуть на втором году обучения, присвоил Джонсону почетную степень магистра наук, а широко общественное мнение Англии стало величать Джонсона «своей академией».

Сравнение словаря Джонсона с академическими словарями европейских стран было настолько всеобщим и настолько в пользу Джонсона, что известный актер Дэвид Гаррик сложил даже по этому поводу эпиграмму [33, 177].

And Johnson, well arm'd like a hero of yore, Has beat forty French and will beat forty more. – Джонсон, герой наш, как в Англии старой бывало, Сорок французов побил, Побьет и еще, коли мало.

Одной из первых рецензий, появившихся в печати, была статья в «Журнале джентльмена» за апрель 1755 г. В ней, в частности, отмечалось, что Джонсон «один в течение семи лет добился того, чего совместный труд сорока академиков соседней нации (Франции) не мог создать и за полвека» [17, 177].

По-видимому, это мнение целиком разделялось и в Европе. Так, итальянская Академия Круска уже в октябре 1755 года весьма лестно откликнулась на выход в свет словаря [22, 147]. Реакция французской академии также была довольно положительной. Более того, Вольтер, пользовавшийся непререкаемым авторитетом среди своих коллег-академиков, признал их в мае 1778 г. переделать словарь французской академии по образцу и подобно джонсоновского словаря [22, 161].

В самой Англии восхваление словаря было предметом многих статей, появившихся сразу же после его выхода в свет. В одной из них, например, говорилось, что словарь Джонсона – «это Monumentum aere perennius, который он (Джонсон) воздвиг в честь своего родного языка ... и которым он заполнил необходимость создания академии языка и литературы; с помощью его он сделал чудеса на пути стабилизации нашей грамматики и закрепления окончательных значений слов, которые, как известно, имеют весьма нестойкую и меняющуюся природу. Благодаря его труду наши Драйдены, наши Аддисоны и наши Попы не превратятся в таких устаревших и

малопонятных писателей, как Чосер» [22, 150].

Таким образом, роль словаря Джонсона в установлении «правильной» нормы и в предотвращении языка от «изменений», а, следовательно, и от «порчи», не только не подвергалось сомнению, но и всячески приветствовалось. Более того, известный экономист и общественный деятель Англии Адам Смит сожалел о том, что Джонсон не в достаточной мере проявил свою власть «диктатора» в языке. «М-р Джонсон, – писал Адам Смит, – собрал весьма полную коллекцию всех различных значений каждого английского слова, подтверждаемую примерами из авторов хорошей репутации. Если мы сравним эту книгу с другими словарями, то заслуга его автора будет очевидна... однако мы бы желали, чтобы автор меньше доверял взглядам тех, кто консультировал его и чтобы он чаще выносил свое решение по поводу слов, которые не являются достойными, хотя, быть может, и встречаются у небезызвестных писателей» [21, 103].

Упрек по поводу того, что Джонсон недостаточно воспользовался своим правом в установлении «правильной» и «чистой» нормы, бросает, но уже в более резкой форме, и филолог Джон Кэллендер. Он считает, что Джонсон должен был шире и строже заклеить «плохие» слова. «Пусть они, – предлагал Кэллендер, имея в виду поклонников Джонсона, – объясняет, почему он собрал такую кучу ошибок в одной книге. Или, если уж он их собрал, то почему он не отметил их как неправильные» [37, 31]. И критик поясняет дальше, что он хотел бы видеть в словаре: он бы желал, чтобы Джонсон предпослал «плохим» словам осуждающие знаки, как это делали в свое время английские лексикографы XVII-XVIII вв. Кэллендер пишет: «Те странные комбинации букв (ибо я не могу назвать их словами), которые изобилует его книга, не отмечены знаком “звездочка”, который бы выделял их как варварские» [37, 59-60]. Таким образом, по Кэллендеру, недостаток словаря Джонсона состоит в том, что последний не до конца последовательно

и недостаточно полно проявил свои диктаторские полномочия по отношению языку.

После смерти Джонсона в 1784 г. поток похвал в адрес его словаря стал еще более обильным. Так, Джеймс Тауэрс, священник, писатель и автор одного из первых жизнеописаний Джонсона, заявлял, что словарь Джонсона «был плодом большого труда, достойным всяческой похвалы... Наш язык в значительной степени достиг состояния совершенства, и теперь необходимо, чтобы был установлен общий стандарт, который, по крайней мере, имел, бы тенденцию предотвращать постоянные изменения, которым, подвержены языки, предоставляя тем самым для английского языка и для английских авторов более стабильную долговечность» [17, 180].

Последующие лексикографы также почти единодушно признавали заслуги Джонсона и особенно, его роль в «закреплении» языка и установлении «правильной» нормы.

Так, Уильям Кенрик в предисловии к своему словарю (1773) признавал авторитет словаря Джонсона: «Что касается этимологии, объяснений слов и иллюстраций идиом и фразеологизмов, – писал он, – то читатель обнаружит, что я, как правило, следовал за знаменитым словарем эрудированного д-ра Джонсона» [45, 8].

Томас Шеридан, автор известного орфоэпического словаря (1780), со всей серьезностью заявлял в одном из своих произведений: «Если наш язык и будет когда-либо закреплен, то его (Джонсона) все грядущие поколения должны почитать как основателя, а его словарь считать краеугольным камнем» [10, 330].

Джон Уолкер, составитель еще одного орфоэпического словаря английского языка (1791), также безоговорочно признавал заслуги Джонсона и авторитет его слова, считая, что последнему «суждено было стать законным кладезем для каждого последующего лексикографа» [37, 8].

Даже американец Ной Уэбстер, чуждый поклонению чужому авторитету, по поводу словаря, разделяя широкое общественное мнение Америки: «Работы Джонсона имели в филологии такой же эффект, как и работы Ньютона в математике; они остановили на время прогресс в этой области знаний; ибо если какой-нибудь человек продвигает так далеко исследования, то все его современники, не надеясь обогнать его, естественно, считают его принципы и решения верхом совершенства в исследовании данной тематики и основывают свои взгляды на его авторитете, не подвергая сомнению их обоснованность» [54, 284].

Необходимо отметить еще один важный факт. Если и высказывались какие-то критические замечания в адрес словаря Джонсона, то все они носили, частный характер, затрагивая ту или иную сторону обработки слова в словаре или отбор некоторых групп слов. Эти критические замечания почти никогда не касались основного принципа словаря Джонсона, а именно: установления «правильной» нормы, предотвращения языка от «порчи» и попыток Джонсона как-то «исправить» и «закрепить» язык. Ни один из критиков словаря вплоть до середины XIX в. ни разу не усомнился в правильности и обоснованности этого основного принципа Джонсона. Другими словами, ни один из критиков ни разу не подверг сомнению саму идею о необходимости предписывающего словаря в отличие от словаря регистрирующего типа.

Напротив, находились и такие, кто, по примеру Кэллендера, критиковали словарь именно за недостаточное претворение в жизнь предписывающего принципа. Как видно, общественное мнение Англии второй половины XVIII в. хотело видеть и видело в словаре Джонсона словарь-законодатель, словарь, устанавливающий своим авторитетом «правильную», «чистую» норму. Этот взгляд разделялся не только широкими кругами образованных людей Англии того времени, но даже и

специалистами по языку, т.е. филологами, орфоэпистами и лексикографами.

Словарь Джонсона был воспринят и современниками, прежде всего, как предписывающий словарь, устанавливающий своим авторитетом «правильную» норму. Таким его воспринимало не только широкое общественное мнение Англии второй половины XVIII – первой половины XIX в., но даже и специалисты-филологи, в частности лексикографы, орфоэписты и писатели. Претворение в жизнь идеи предписывающего словаря – главная заслуга Джонсона в истории английской лексикографии. Под знаком этой идеи она развивается вплоть до второй половины XIX в.

2.4. ВЫРАЖЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ СОСТАВИТЕЛЕЙ НА НОРМАТИВНОСТЬ С ПРАКТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Словник. В соответствии с провозглашенным в предисловии принципом всеобщего и полного охвата лексики, составители БОС (Большой Оксфордский Словарь) пытались представить в словаре все слова, зарегистрированные в английских текстах и имеющие определенную степень хождения в языке. При этом хронологические рамки охвата лексики в словаре чрезвычайно широки: в него включаются все слова, представленные в текстах, начиная с 1150 года. Эта дата далеко превосходит период формирования английского национального языка, который составители относят не ранее чем к XVI в. Иначе говоря, составители регистрируют в словаре не только лексику национального английского языка, который сформировался в XVI в., но и лексику отдельных английских диалектов, существовавших до XVI века.

Верхняя граница охвата лексики в словаре – начало XX века. Следовательно, БОС можно квалифицировать не только как словарь современного английского языка, но и как в большой мере исторический словарь, охватывающий, по сути дела, весь период существования английского языка, включая даже его ранее диалектное состояние.

Синхронные границы словника БОС также довольно широки. И хотя авторы нигде четко не поясняют своих критериев отбора отдельных групп слов (технических и научных терминов, диалектизмов, сленгизмов, иноязычных заимствований и т.п.), тем не менее их общие рассуждения говорят о том, что рамки включения этих групп лексики достаточно широки. В общей форме принцип отбора слов сформулирован составителями БОС следующим образом: «Включению подлежат все слова английского языка, имеющие или приближающиеся к статусу “обыденных слов”» [47, 27]. В этом отношении типично следующее заявление составителей: «Лексикограф... должен включать все “обыденные слова” литературы и устной речи, а также те из научных, технических, сленговых, диалектных и иностранных слов, которые имеют всеобщее хождение или приближаются к статусу “обыденных слов”». «При этом, – с иронией заключают они, – лексикограф должен прекрасно понимать, что те границы, которые он начертает, не обязательно удовлетворят его критиков» [47, 27].

Конечно, приведенное выше заявление имеет довольно общий характер, однако составители, очевидно, учитывая всю сложность и спорность определения границ словника словаря, не могли предложить более четких и определенных формулировок.

Установка на самое широкое включение как диахронных, так и синхронных срезов лексики английского языка не могла не сказаться на количественном составе словника БОС. В словаре зарегистрировано рекордное число слов – более 415 тыс. (а если учесть новое приложение, издание которого скоро закончится и которое будет насчитывать еще около 50 тыс. слов, то общий объем словаря увеличится до 470 тыс. слов). Это достаточно большая цифра. Она ставит БОС наравне с такими впечатляющими лексикографическими предприятиями, как словарь «Сэнчери», словарь Фанка – Уэгнолза и словарь Уэбстера. О том, что цифра

415 тыс. достаточно высока даже для масштабов современной мировой лексикографии, свидетельствует тот факт, что словники словарей некоторых национальных языков, изданных во второй половине XX в., все еще не превосходят даже 150 тыс. [9, 19].

Подобная позиция составителей БОС является подлинно научной и бескомпромиссной.

Добавочная семантико-функциональная характеристика слов БОС полностью отражает те объективные и научные принципы регистрации языковых фактов, которые были приняты составителями БОС в самом начале работы над словарем. В БОС используются следующие шесть типов добавочных семантико-функциональных помет, указывающих на: 1) функционально-стилевую ограниченность; 2) эмоционально-экспрессивную окраску; 3) хронологическую ограниченность; 4) территориальную ограниченность; 5) специальную терминологическую сферу употребления; 6) активность (частотность) [3, 133-134]. Ни один из перечисленных типов помет не является предписывающим или рекомендуемым, а представляет собой результат объективного рассмотрения языковых фактов и беспристрастного решения вопроса об их использовании в речи, текстах. Другими словами, в отличие от Джонсона и других английских лексикографов, составители БОС не рекомендуют к употреблению или, наоборот, не запрещают те или иные слова; они лишь объективно и беспристрастно констатируют существующее положение вещей в английском языке.

Так, составители БОС дают в словаре добавочную семантико-функциональную помету ***poet*** «поэтическое». Например:

Mild... 9. Used poet = mildly

Forgery ... 2. Invention, fictitious invention, fiction.

Now only poet.

Однако наличие подобной пометы вовсе не означает, что составители тем самым рекомендуют читателю употреблять данное слово в поэтическом языке. Давая эту помету, составители лишь указывают, что в соответствии с материалами, имеющимися в их распоряжении, в соответствии с их картотекой, данное слово, как правило, используется в английском языке в «высоком» стиле, а именно в поэзии. То же самое относится и к другим типам помет, использованными в БОС, в частности к помете *colloq.* «разговорное». Например:

Cobbler ...3. colloq. A drink made of wine, sugar, lemon and pounded ice, and imbibed through a straw or other tube.

Wet... 14. colloq. Primed with liquor; more or less intoxicated.

Использование этой пометы означает, что составители сообщают читателю о том, что данное слово обычно употребляется в живой разговорной речи. Наличие этой пометы ни в коем случае не означает, что составители не рекомендуют читателю употреблять данное слово как «неэлегантное» или «неправильное».

Как видно, добавочные семантико-функциональные пометы имеют в БОС чисто описательный характер и основываются не на языковом чутье лексикографа (как это часто бывало в прошлом), а на показаниях в высшей степени представительной картотеки, насчитывающей более 5 млн. карточек-цитат.

Кроме помет в БОС используются знаки, указывающие на нормативный статус слов. Как мы уже говорили в главе 1 настоящей работы, этот способ широко применялся английскими лексикографами XVII-XVIII вв. Они таким образом предостерегали читателя от употребления определенных групп слов и, следовательно, брали на себя роль охранителей языка.

В БОС знаки являются лишь удобными символами соответствующих

помет, но никак не запретительными или неодобрительными сигналами.

Таким образом, добавочная семантико-функциональная характеристика в БОС еще раз (как и в случае со словником) подтверждает тот факт, что словарь является словарем регистрирующего типа, основанным на объективной и беспристрастной фиксации языковых фактов.

В отношении определений словарь также целиком свободен от субъективизма. Нам не встретилось в БОС ни одного определения субъективного характера. На это можно возразить, что в позиции составителей БОС нет ничего необычного и что она лишь только современна. Однако дело обстоит не так просто, как представляется на первый взгляд. Принцип “бесстрастности” лексткографа нарушается, а иногда и намеренно оспаривается даже в наше время. Все это еще раз говорит о том, что позиция составителей БОС в отношении субъективизма определений сознательно научная и намеренно беспристрастная.

Окончание выхода в свет БОС было отмечено как выдающееся событие не только в английской, но и во всей мировой лексикографии. Мы не будем приводить здесь все те многочисленные заслуженно-хвалебные отзывы, которые появились в мировой печати после окончания работы над БОС. Они во многом приведены в цитировавшейся уже диссертации Л.В. Малаховского [6, 11]. Отметим только, что и в настоящее время, спустя почти 70 лет, лестные эпитеты по отношению БОС все еще продолжают справедливо звучать в западной печати. Достаточно привести слова Дж.Френда, автора весьма информативной и авторитетной статьи на слово «Словарь» в Американской энциклопедии, который называет БОС «величайшем словарем» и «величайшим лингвистическим произведением» [36, 87]. В этих же тонах пишет о БОС и автор статьи «Словарь» в Британской энциклопедии, подчеркивая, что БОС является «по-настоящему монументальным лексикографическим трудом» [15, 388].

Российские лингвисты также, вне всякого сомнения, считают БОС одним из самых выдающихся лексикографических предприятий мира. Так, И.В. Арнольд, автор двух широко используемых в настоящее время в высшей школе учебников по английской лексикографии [3, 72], подчеркивает огромное значение БОС как для теории, так и для практики словарного дела [3, 328-331]. Основанием подобной оценки, по мнению как российских, так и западноевропейских лингвистов, является, прежде всего, широта диахронных границ словника, тщательного выверенность представленных в нем материалов и, главное, их чрезвычайная объективность и научность. История жизни каждого слова в словаре – это в высшей степени научный и объективно составленный документ. Именно строгая научная объективность, обилие лингвистических фактов и отсутствие какого-либо субъективизма делает БОС ярчайшим представителем идей регистрирующего словаря национального языка и одним из самых значительных достижений лексикографии научного периода.

2.5. ИДЕИ СОСТАВИТЕЛЕЙ ОТНОСИТЕЛЬНО НОРМАТИВНОСТИ ДО НАЧАЛА РАБОТЫ НАД СЛОВАРЕМ

Как было показано в главе 2.2., Ричард Тренч не только провозгласил идею создания «совершенно нового словаря» английского языка, но и определил в общих чертах принципы построения будущего словаря. Новый подход Тренча к проблеме нормативности в лексикографии состоял в том, что, по его глубокому убеждению, составитель словаря – это, прежде всего и только «историк языка, а не критик» [29, 5].

Указанные выше взгляды шли вразрез с установившейся в английской лексикографии традицией предписания некоей «правильной» и «совершенной» нормы. Точка зрения Тренча никак не согласовывалось с тем положением, что до сих пор составитель толкового словаря был не только критик языка, но и его законодатель. Мы видели выражение этой точки

зрения у подавляющего большинства английских лексикографов XV – XVIII вв., а также у такого выдающегося словарника Джонсона. Тем не менее, в связи с появлением в Европе и Англии качественно новой лингвистики точка зрения Тренча была воспринята английскими лексикографами, и в частности составители БОС, как единственно правильная. Именно она нашла свое отражение в проспекте словаря, озаглавленном «Предложение об издании Филологическим обществом нового словаря английского языка» [30, 14].

В «Предложении» четко и недвусмысленно было высказано следующее положение, формулирующее отказ от старой точки зрения на словарь и роль лексикографа: «Мы полностью отвергаем теорию, согласно которой лексикограф превращается в арбитра стиля, и на его усмотрение оставляется решение вопроса о принятии или отклонения слов в соответствии с его личным пониманием их сравнительной элегантности или неэлегантности» [31, 3].

Составители БОС, поясняют свою позицию, приводя в качестве доказательства, например, тот факт, что ни один лексикограф не исключает из словаря древнегреческого языка какие-либо слова из произведений Аристофана или других древнегреческих писателей. В этом отношении составители не видят разницы между живыми и мертвыми языками [31, 4]. «Мы не можем исключить из словаря слова, – заявляют они, – которые санкционированы узусом не более чем одного писателя или которые по своей структуре не нравятся нам» [31, 5]. Если данное слово, продолжают они, подтверждает цитатным материалом хотя бы одного писателя, то лексикограф не имеет права отказывать этому слову в допуске в словарь. «Как ни были они (слова) незначительны, – настаивают составители, – все они свидетельствуют о тенденции в языке и уже только по этой причине имеют определенную и ощутимую ценность» [31, 3].

В заключение составители БОС торжественно провозглашают: «Мы принимаем в качестве авторитетных источников (словаря) все английские книги, за исключением тех, которые посвящены чисто научным дисциплинам» [31, 6]. Пафос «Предложения» составителей, следовательно, выражен в двух основных положениях провозглашении принципа полного и всеобъемлющего охвата лексики и категорическом отказе от идеи словаря предписывающего типа.

Принятие идеи регистрирующего словаря не было, однако, абсолютно единодушным. Ее, например, оспаривал один из видных филологов того времени Деруэнт Колридж. Защищая идею словаря предписывающего типа в отличие от регистрирующего, он не соглашался с мнением большинства относительно роли лексикографа. Д.Колридж писал: «Та задача лексикографа, которую я считаю самой важной, подверглась критике; критиковалась роль лексикографа как обладающего некоей законодательной и регулирующей властью» [12, 71].

Д.Колридж упорно отстаивал идею предписывающего словаря и роль лексикографа как законодателя в языке. Лексикограф, писал он, «должен не только показывать существующие авторитеты, он должен каждый раз выносить решение на основании своих наблюдений или на основании своего долгого жизненного подсознательного опыта, который наличествует в каждом высокоцивилизованном носителе языка» [12, 77].

Идея словаря предписывающего типа была твердым убеждением Д.Колриджа. Он не жалеет места и времени, поясняя, почему толковый словарь национального языка должен быть в конечном счете законодателем языка, а не просто регистратором. «Роль словаря, – повторяет он, – особенно одноязычного, должна быть, прежде всего, регулирующей, регулирующей на деле и декларативной по форме. Он должен отделять от правильного или путем молчаливого исключения (как это делалось в словаре французской

академии) или путем четкой постановки особого знака. В случае, когда речь идет о таких развитых языках, как французский и английский, словарь должен быть строго консервативным. Он должен представлять собой постоянный протест против любой инновации...» [12, 78].

Где же находил Д.Колридж те критерии, в соответствии с которыми лексикограф мог разделить «ложное от правильного», слова, подлежащие включению, от слов, подлежащих исключению из словаря? По его мнению, ответ здесь мог быть только следующим: «В так называемых мертвых языках у нас нет авторитета, к которому мы могли бы апеллировать, за исключением сохранившихся произведений литературы. Что касается живых языков, то здесь мы имеем живой инстинкт говорящих на данном языке; именно к нему мы и можем апеллировать» [12, 73]. Таким образом, Д.Колридж считал «чувство языка» основным критерием в установлении «правильности» и ставил его в основу отбора слов в словарь.

В какой-то степени идеи Д.Колриджа об «охране» языка поддерживал и первичный редактор БОС Герберт Колридж. Он, в частности, считал, что в планируемый словарь не должны включаться некоторые сленговые образования, окказиональные слова, а также иностранные заимствования из греческого и латинского. Вся эта лексика, по его мнению, «должна быть на время отложена или хотя бы дана в приложении к словарю» [12, 74].

Естественно, что составители БОС, стоявшие на позициях строго объективного и научного анализа языковых фактов, не могли согласиться с мнением Д.Колриджа, предлагавшего заменить объективный и научный подход к языку личным мнением лексикографа, основанным на «чувство языка». Не могли они согласиться и с предложением Г.Колриджа относительно не включения некоторых лексических фактов языка. После обсуждения позиции Г.Колриджа на одном из заседаний Филологического общества участники заседания еще раз специально подчеркнули, что «в

принципе все слова должны быть включены в предполагаемый словарь» Далее указывалось, что участники заседания принимают во внимание тот факт, что именно редактор словаря имеет право исключить некоторые слова; однако эти действия редактора, – добавляют они, – должны производиться крайне осторожно» [12, 75].

Таким образом, составители БОС, отвергнув идею словаря предписывающего типа и встав на позиции регистрирующего словаря, еще раз подтвердили свою приверженность глубоко научным и объективным взглядам на язык и норму. Важно подчеркнуть, что позиции словаря регистрирующего типа была выбрана ими сознательно и намеренно. Они прекрасно сознавали, какое долгое и прочное засилье имела точка зрения предписывающего словаря на протяжении всей истории английской лексикографии.

Интересно отметить, что позиция объективной и беспристрастной регистрации языковых фактов была сформулирована в английской грамматике значительно позднее, нежели в лексикографии. Впервые ее четко определил Генри Суит лишь в 1891 г. в своем фундаментальном труде «Новая грамматика английского языка, логическая и историческая» [29, 18]. Он, в частности, писал: «Так как мое изложение претендует на то, чтобы быть научным, то я ограничусь изложением и объяснением фактов, не пытаюсь разрешить вопросы, касающиеся правильности с точки зрения грамматики выражение, как *it is me* находится во всеобщем употреблении среди образованных людей, то я принимаю его как оно есть, добавляя просто, что его употребления избегают в литературном языке» [30, 12]. Далее Суит высказывается еще более решительно, в какой-то степени, правда, повторяя тезис, провозглашенный еще Р.Латамом [31, 25]: «Все, что есть во всеобщем языковом употреблении, то и является по этой же самой причине грамматически правильным» [31, 19]. Суит особо подчеркивает, что

первейшей задачей грамматики (как, впрочем, и любой другой науки) является наблюдение фактов и явлений, а также классификация их; лишь после этого идет объяснение фактов [31, 12].

Таким образом, можно со всей уверенностью констатировать, что в конце XIX в. точка зрения на необходимость научной и беспристрастной регистрации языковых фактов завоевала прочные позиции как в английской лексикографии, так и в английской грамматике.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Из проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Если раньше лексикографы помечали особыми знаками и таким образом осуждали неугодные им слова сравнительно редко, от случая к случаю, то Джонсон ввел эту практику в широком масштабе, по всему словнику словаря, заменив применявшиеся ранее знаки осуждения развернутыми словесными пометами. При этом даже наличие в словарной статье большого количества цитат иллюстраций из произведений известных и широко читаемых писателей не мешало Джонсону в этой же словарной статье выносить слову уничтожающий приговор. Именно это несоответствие между осуждающими пометами в словаре и обильными цитатами материалом из произведений широко читаемых авторов лишний раз говорит о субъективизме Джонсона. Об этом же говорит и тон его запретительных помет и предписывающих высказываний, – тон догматика, не терпящего возражений.

2. Анализ материалов БОС показывает, что его составители сумели успешно и последовательно провести в словаре указанные выше принципы научной и объективной регистрации языковых фактов. Именно принцип объективного и беспристрастного описания языковых фактов, а также принцип регистрации всех слов языка заставили составителей чрезвычайно расширить границы словника, доведя до 415 тыс., что является достаточно

высокой цифрой для большого толкового словаря любого национального языка.

3. Анализ добавочных семантико-функциональных помет в словаре также подтверждает строго объективную и научную направленность словаря. Ни одна из приведенных в БОС помет не является предписывающей; не является таковыми и знаки, примененные в нем. Вся узуальная характеристика носит описательный характер и основывается на авторитетной картотеке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Зарождение и развитие нового, сравнительно-исторического языкознания, а также изменившиеся социально-исторические условия функционирования английского языка сказались самым решительным образом на методологических основах английской лексикографии. Вместо предписывающей точки зрения в ее теорию и практику пришла подлинно научная точка зрения на словарь как на беспристрастный и объективный регистратор развития языка за определенный период. Возникла новая концепция словаря – словарь регистрирующего типа.

2. На примере рассмотрения проблемы нормативности в Англии в течение XV-XX вв. еще раз подтверждается тезис о тесной взаимосвязи и зависимости между возникновением тех или иных взглядов на язык с определенными социально-историческими условиями жизни данного языкового коллектива, в частности с формированием и развитием английского национального языка. Отношение лексикографов к нормативности также (за редким исключением) полностью определяется социально-историческими условиями жизни языкового коллектива и соответственно взглядами на язык и норму широкой научной и писательской общественности данной страны.

3. Языковой пуризм как английский и, шире, европейский, феномен (кстати, вполне объяснимый в эпоху образования национального языка и становления нации) явился причиной создания и расцвета в лексикографии Англии толковых словарей предписывающего типа, словарей, авторы которых выполняли социальный заказ своей эпохи по «очистке», «совершенствованию» и «закреплению» английского языка.

4. Проведенное исследование проблемы нормативности на протяжении всей истории английской лексикографии дает основание для выдвижения следующей гипотезы: эволюция толкового словаря национального языка от словаря предписывающего типа к словарю регистрирующего типа есть закономерный качественный переход в развитии национальной лексикографии, отражающей, в частности, стремление лексикографов к более научному и объективному рассмотрению языка как социального явления.

5. Словарь С.Джонсона (1755) был по форме и по существу апогеем развития предписывающих словарей. В этом убеждает количественный и качественный состав его словника, репертуар запретительных и рекомендуемых помет, а также характер толкований.

6. Появление Большого Оксфордского словаря стало возможным благодаря упрочнению сравнительно-исторического языкознания и вместе с ним принципа объективной и беспристрастной регистрации языковых факторов БОС, следовательно, является не только историческим словарем, но и (что весьма важно) словарем регистрирующего типа. Об этом убедительно свидетельствует анализ материалов.

7. На протяжении предыдущих глав были рассмотрены различные решения проблемы нормативности английскими лексикографами. При этом для того, чтобы глубже понять причины того или иного решения и выявить определенные закономерности, было необходимо проанализировать социально-исторические условия и взгляды на язык широкой английской

общественности в каждый данный конкретный момент истории развития английского языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каримов И.А. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы изучения иностранных языков». – Народное слово, № 240 (5630), 11.12.2012. – С.1.
2. Каримов И.А. Мировой финансово-экономический кризис, пути и меры по его преодолению в условиях Узбекистана. – Ташкент: Узбекистан, 2009. – 47 с.
3. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. – Москва: Флинта, Наука, 2002. – 351 с.
4. Березин Ф.М. История лингвистических учений. – Москва: Флинта, Наука, 2004. – 304 с.

5. Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – СПб: Нестор-История, 2007. – 406 с.
6. Малаховский Л.В. Оксфордский словарь английского языка: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. – Ленинград: 1954. – 16 с.
7. Салохиддинов Г.С. Джонсон как лексикограф: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. – Ленинград: 1975. – 24 с.
8. Соловьева Л.Н. Из истории создания нормативно-описательной грамматики английского языка. – СПб: Нестор-История, 2002. – 126 с.
9. Ступин Л.П. Словари современного английского языка. – Ленинград: 1973. – 32 с.
10. Baugh A.C. A history of the English language. 5th ed. – New York: – 2006. – 506 p.
11. Chapman R.W. Lexicography. – Oxford: 2005. – 34 p.
12. Coleridge D. A letter to R.Trench. TPS, Cambridge: 1857. – P.71-78.
13. Fries Ch. The teaching of the English Language. – New York: 2002. – 187 p.
14. Johnson S. Preface to the Dictionary of the English language. – In: 29. McAdam E.L. and Milne G. Johnson's Dictionary. A modern selection. – New York: 2002. – P. 3-29.
15. McQueen A. Dictionary. – In: Encyclopaedia Britannica. – London: vol.7, 1998. – 388-391.
16. Murray J. The evolution of English lexicography. – Oxford: 1900. – 51 p.
17. Noyes G.E. The critical reception of Johnson's dictionary in the latter 18th century. – Cambridge: 2001. – 191 p.
18. Osselton N.E. Branded words in English dictionaries before Johnson. – Oslo: 2009. – 189 p.
19. Palsgrave J. L'eclaircissement de la langue Francaise (1530)/Ed. by F.Genin. – Paris: 1852. – 1136 p.

20. Proposal for the publication of a new English dictionary by the Philological society. – London: 1859. – 31 p.
21. Rossier J.I. The vocabulary of Ralf Lever's "Art of Reason". – London: 2001. – 125 p.
22. Sledd J. and Kolb G.J. Dr. Johnson's dictionary. – Chicago: 2009. – 256 p.
23. Starnes D.W. and Noyes G.E. The English dictionary from Cawdrey to Johnson, 1604-1755. Univ. of North Carolina Press, 1946. – 299 p.
24. Trench R.C. On the study of words. – London: 1851. – 258 p.
25. Trench R.C. English past and present. – London: 1855. – 362 p.
26. Trench R.C. A select glossary of English words. – London: 1857. – 240 p.
27. Trench R.C. On some deficiencies in our English dictionaries. 2nd ed. – London: 1860. – 70 p.
28. Wrenn C.L. The English language. – London: 2005. – 236 p.
29. Absolute Shakespeare <http://absoluteshakespeare.com>
30. Behind the Name: the Etymology and History of First Names www.behindthename.com.
31. Dictionary of Quotations <http://www.quotationreference.com>.
32. Dictionary and Thesaurus Merriam-Webster Online www.merriam-webster.com.
33. Elizabethan Glossary <http://shakespeare.about.com/library/blglossary>.
34. Encyclopedia Britannica www.britannica.com
35. My Etymology.com A universal etymology dictionary www.myetymology.com⁷. <http://www.etymology.com>.
36. Online Etymology Dictionary www.etymonline.com⁵. <http://etymolog.Ruslang.ru>.
37. Wikipedia, the Free Encyclopedia <http://www.wikipedia.org>¹⁰. www.books.google.com.
38. Bailey N. An universal etymological English dictionary. London: 1721. – 456 p.
39. Baret J. An alvearie or triple dictionary. London: 1573. – 312 p.

40. Bullokar J. An English expositor. London: 1616. – 409 p.
41. Cockeram H. The English dictionary. London: 1676. – 422 p.
42. Cotgrave R. A dictionary of the French and English tongues. London: 1611. – 403 p.
43. Diccionario de la lengua castellana. In 6 vols. Madrid: 1656.
44. Hollyband C. Dictionary of French and English. London: 1593. – 396 p.
45. Kenrick W. A new dictionary of the English language. London: 1773. – 607 p.
46. Kersey P. The new world of words. London: 1706. – 267 p.
47. Oxford English dictionary. In 13 vols. Oxford: 1933.
48. Phillips E. The new world of English words. London: 1658. – 419 p.
49. Richardson C. A new dictionary of the English language. In 2 vols. London: 1863 (new edition).
50. Scott N. A new universal etymological English dictionary by N. Bailey. Now republished. London: 1755. – 467 p.
51. Somner W. Dictionarium Latino-Anglicum. Oxford: 1440. – 278 p.
52. Thomas W. The Latino-English dictionary. London: 1483. – 367 p.
53. Webster N. An American dictionary of the English language. In 2 vols. New York: 1828.
54. Webster N. Letters/Ed. By H.R. Warfel. New York: 1958.

